

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ СИБИРИ
В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД**

В. Н. Шайдуров

**TO THE ISSUE OF THE SIBERIAN JEWISH COMMUNITY FORMATION
IN THE PRE-REFORM PERIOD**

V. N. Shaydurov

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность)», шифр № 2012-1.1-12-000-3001-017.

В статье рассматривается начальный период формирования еврейской общины в Западной Сибири, который в историографии не получил детальной разработки. На основе архивных материалов представлен анализ государственной политики Александра I и Николая I в отношении еврейского населения Сибири и ее последствия к середине XIX в.

The article deals with the starting period that saw the formation and development of the Jewish community in Siberia. This period has not been thoroughly studied in historiography. The analysis represented is based on archival data and elaborates on governmental policies by Alexander I and Nicholas I towards Jews living in Siberia as well as the consequences of the policies by the mid XIX century.

Ключевые слова: еврейская община, еврейский вопрос, Сибирь, переселение.

Keywords: Jewish community, the Jewish question, Siberia, migration.

В отечественной историографии сложилась традиция начинать историю еврейской общины Сибири с 1836 г. Это было связано с включением региона в общегосударственную политику по решению еврейского вопроса.

Одним из первых эту тему затронул В. Н. Никитин в своем исследовании «Евреи земледельцы» (СПб., 1887). Одна из глав работы была посвящена неудачному переселению евреев в Тобольскую губернию и Омскую область при Николае I. Несомненной заслугой автора является введение в научный оборот архивных документов из фондов Министерства внутренних дел.

Правда, им не были сделаны ссылки в тексте, но сопоставление материалов из соответствующих фондов не оставляет в этом никакого сомнения. На основании многочисленных источников Никитин не только представил подробную картину разработки проекта и нюансы его реализации, но и попытался объяснить его неожиданное свертывание. В отличие от исследователей последующих лет, он не дал количественных данных о переселенцах-евреях этого времени, сославшись лишь на текст манифеста 1837 г., запретивший переселение и проживание иудеев в Сибири, согласно которому в Сибирь пожелало переселиться «1317 совершеннолетних

мужских душ (кроме самовольно ушедших в Сибирь, – а верного числа их никто не знал) [6, с. 207].

В начале XX в. вышли в свет новые работы, в которых приводятся разные данные об итогах переселения 1836 – 1837 гг. В 1905 г. в Петербурге вышла работа Г. Б. Белковского «Русское законодательство о евреях в Сибири», в которой автор не мог обойти стороной вопрос о еврейском переселении 1835 – 1836 гг. Рассуждая о запретительных мерах 1837 г., он указывал на то, что они не были распространены на тех, «которые успели добровольно поселиться в течение 1836 г. Их всего-то было 1367 человек» [1, с. 11]. Если Никитин в своем исследовании опирался на архивные данные, то Белковский в качестве источника использовал статью Ф. В. «Евреи в Сибири», опубликованную в журнале «Восход» [20].

В работе Ю. Островского «Сибирские евреи» (СПб., 1911) также упоминается переселенческая кампания. Не приводя конкретных данных о переселившихся, автор пишет, о «пожелании переселиться 1317 душ евреев» [7, с. 13].

Наконец, в разделе «Право жительства евреев в Сибири» М. М. Мыш дает историческую справку о евреях в Сибири. Их появление связано с кампанией 1835 – 1836 гг., когда «в течение 1836 г. пожелали переселиться из разных губерний 1217 евреев» [5, § 247]. Приводя данные о числе желающих переселиться, автор ссылается на текст высочайше утвержденного положения Комитета министров «О приостановлении переселения евреев в Сибирь» от 5 января 1837 г. Однако в тексте положения приведены иные сведения: «на сии участки в течение 1836 г. пожелания переселиться 1317 душ евреев» [8].

В монографиях исследователей уже конца XX – начала XXI вв. присутствуют упоминания о ранних страницах истории сибирских евреев (Н. Галашова, Ю. Гончаров, Л. Кальмина, Н. Орехова и др.). Однако авторы, как правило, ссылаются на работы своих дореволюционных предшественников, не подвергая приводимые ими сведения не только критике, но и сравнению. Явные разночтения относительно результатов одного и того же события заставили нас обратиться к этой теме и попытаться разобраться в событиях первой половины XIX в., приведших к возникновению новой региональной группы – сибирских евреев.

Незаселенные пространства Сибири на протяжении XVII – XIX вв. привлекали внимание властных структур и различных категорий населения. Еще в 1763 г. предполагалось направить часть иностранных колонистов в Сибирское генерал-губернаторство, предоставив им для водворения пространства Барабинской степи [9]. Правда, этот проект так и не был реализован: колонистов, в первую очередь, выходцев из германских государств, селили в Поволжье, Прибалтике и под Петербургом.

В середине марта 1810 г. Комитет министров на своем заседании заслушал записку министра внутренних дел О. П. Козодавлева. В ней докладчик представил проект курляндского дворянина, советника Курляндского губернского правления Г. Ф. фон Фелькерзама о переселении евреев из Курляндии в Тобольскую губернию [16, л. 148 об. – 149]. Однако правительство на тот момент не сочло необходимым рассматривать эту проблему, а потому было принято решение «по выслуша-

нии сих проектов ... оставить без уважения» [16, л. 149].

Для МВД вопрос о еврейском населении в Сибири в первой четверти XIX в. возникал не единожды. В этот период евреи оказывались за Уралом в результате исполнения судебных приговоров и направлялись туда в качестве ссыльных. Так, в 1814 г. сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель сообщал министру внутренних дел О. П. Козодавлеву о мерах, принятых иркутским гражданским губернатором Н. И. Трескиным относительно евреев-поселенцев (поселенцами являлись лица, отбывшие срок в ссылке или на каторге и оставленные в Сибири на проживание под надзором полиции. – В.Ш.) [19, л. 1]. Местные власти столкнулись с тем, что евреи «по роду их жизни удалены от всякого хозяйства и по развратному поведению не могут быть полезны тамошнему краю» [19, л. 3]. Для исправления нравов евреев и цыган было предложено отправлять тех, кто не имел ремесленных навыков, на казенное поселение в отдаленные от Иркутска селения Иркутского и Нижнеудинского уездов. Волостные правления обязаны были иметь за ними строжайший контроль, а сельские старшины принуждать их к различного рода сельским занятиям. Уклонение от работ грозило поселенцам через Земский суд направлением на винокуренные заводы. С этого момента евреи невольно стали играть важную роль в данной отрасли пищевой промышленности региона.

Приезд Александра I на уральские заводы позволил местным властям начать радикальную борьбу с «еврейским злом». Уже 19 декабря 1824 г. появилось секретное предписание, по которому, с целью предотвращения хищения евреями драгоценных металлов и «растления местного населения», запрещено было иудеям селиться в уральских казенных и частных заводах и Алтайском горном округе. Мероприятия по искоренению еврейства проводились одновременно по линии Министерства финансов и Министерства внутренних дел. В упомянутом документе министру финансов Е. Ф. Канкрину было дано указание «о евреях, чтобы отнюдь не были терпимы на горных заводах» [15, л. 9]. Последнему надлежало сообщить об этом управляющему Министерством внутренних дел. Уже неделю спустя, через управляющего Кабинетом ЕИВ графа Д. А. Гурьева содержание секретного документа было доведено до сведения горных начальников Кольвано-Воскресенских, Нерченских и Екатеринбургских заводов.

В конце января 1825 г. на имя Гурьева поступили первые отчеты от начальника Кольвано-Воскресенского горного округа П. Д. Фролова и начальника Екатеринбургских горных заводов О. Осипова о евреях на подконтрольной территории. Так, О. Осипов сообщил в Петербург о том, что «проживавшие в здешнем городе [Екатеринбурге. – В. Ш.], коих найдено шесть человек из оногo, уже высланы, а в Горнощитском мраморном заводе, как командир сего завода и гранильной фабрики ... донес, таковых не оказалось» [15, л. 14].

Более основательно подошел к выполнению поручения П. К. Фролов, который принялся изыскивать евреев не только на горных заводах и рудниках, но и в деревнях приписных крестьян, куда те могли попасть «по делам питейного сбора» [15, л. 15-15 об.]. В том же донесении графу Гурьеву Фролов задался вопросом:

«Что делать с евреями, принявшими христианство?» Это наталкивает на мысль о наличии в округе евреев-выкрестов, с которыми начальнику приходилось сталкиваться по тем или иным делам, которых приказано было не подвергать высылке [15, л. 19].

9 декабря 1825 г. западносибирский генерал-губернатор П. М. Капцевич сообщил в Сибирский комитет о проживавших в Омской области евреях и мероприятиях, которые планировалось осуществить в отношении этой группы. Сохранившиеся документы, в частности, решения Совета Главного управления Западной Сибири, позволяют говорить о том, что отношение местных властей и общества к ссыльным евреям было негативным. В них, например, указывалось, что «Семипалатинская Ратуша очень невыгодно на их [евреев. – В. Ш.] счет отозвалась, да и Петропавловский городничий также не ручался за благонадежное их поведение» [17, л. 3 об.].

Губернские власти оказались в непростой ситуации: им необходимо было отселить евреев не только от горных заводов Алтайского горного округа, но и населенных пунктов приграничной Сибирской линии. Основываясь на упомянутом секретном предписании, губернские власти приняли решение: «Всех евреев, находящихся ... по паспортам и в округах проживающих без оных, выслать в места прежнего жительства, и впредь не пускать их на Линию, за чем приказать городским и Земским полициям строго надблести причисленных же в мещане и крестьяне и имеющих домообзводство поселенцев» [17, л. 4-4 об.]. В дальнейшем предполагалось отселить евреев из Семипалатинска и Петропавловской крепости во внутренние районы Тобольской и Томской губерний и просить Тобольский приказ о ссыльных, «чтобы он в будущее время не присылал уже как на Линию, так равно иные места, кои близки к горным заводам» [17, л. 5-5 об.] ссыльных иудеев.

В 1829 г. эта кампания получила свое дальнейшее развитие. Евреи г. Кольвани обратились к начальнику Алтайского горного округа с просьбой разрешить им поселиться на территории округа, но получили категорический отказ [4, л. 130].

Таким образом, уже в 1820-е гг. в Сибири реализовывались мероприятия, нацеленные на ограничение прав еврейского населения. Но, запрещая евреям проживать в некоторых районах Сибири, власти тем не менее оставляли их тут в качестве поселенцев, а потому запретительные меры не могли исключить евреев из числа сибирских обывателей. По данным МВД, уже к 1834 г. в Сибири проживало «18 купцов, мещан, цеховых и городских рабочих 659, а в Омской области поселенцев 13» [13, л. 4] иудейского исповедания.

К середине 1830-х гг. в черте оседлости резко ухудшилось положение еврейского населения, переселенного во второй половине 1820-х гг. из сельской местности в города и местечки: скученность не позволяла большинству евреев найти себе заработок. Об этом неоднократно докладывали с мест в Петербург. В апреле 1835 г. Николай I утвердил «Положение о евреях», которое должно было, по мнению его разработчиков, улучшить положение еврейского населения. В частности, одним из основных аспектов нового положения стало стремление «разгрузить» города черты оседлости от излишней массы неимущего еврейского населения за счет переселения его в сельскую местность. К этому

времени в России был накоплен достаточный опыт сельской инородческой колонизации: в 1760-е, 1780-е, 1800-е гг. появилось большое количество немецких, болгарских, греческих колоний в Поволжье, Новороссии, Прибалтике и других регионах. Новые поселения возникали на пустующих окраинных землях. В Европейской России незанятых земель практически не осталось. Поэтому власти вынуждены были направлять миграционные потоки на окраины государства.

В условиях бюрократизации государственного аппарата в период правления Николая I в разработку мер по решению еврейского вопроса в середине 1830-х гг. были вовлечены различные учреждения. Избавить города черты оседлости от избыточного еврейского населения можно было посредством переселения на окраины. Тем более, что опыт создания еврейских земледельческих колоний на Юге России к тому моменту был.

Одним из ключевых органов по подготовке и проведению переселения евреев в сельскую местность стало министерство финансов. В его функции входило не только выделение переселенцам дорожных средств, но также подготовка мест водворения. В частности, губернским казенным палатам было дано распоряжение выдавать евреям-переселенцам прогонные деньги, устраивать на квартиры и пр. Об этом же надлежало сообщить казенным палатам Тобольской губернии и Омской области, а также генерал-губернатору Западной Сибири.

Основным местом водворения евреев должна была стать Сибирь, несмотря на то, что местные власти еще со времен губернаторства М. М. Сперанского крайне негативно относились к ним. По представлению министра финансов Е. Ф. Канкрин, 12 ноября 1835 г. Николай I распорядился выделить для поселения евреев 5 свободных участков казенных земель в Тобольской губернии (Тарский округ: отрезки от татар Юрт-Черналинских 2212 дес.) и Омской области (Омский округ: между селом Кулачинским и деревней Хариной два участка – 3254 и 3446 дес., между деревнями Хариной и Захламиной – 3184 и 3056 дес.) площадью в 15154 дес. [12, л. 1-1 об.]. Канкрин рассчитывал в течение осени 1835 – зимы 1836 гг. закончить подготовительные действия и начать переселенческую кампанию уже весной 1836 г. На этом этапе в действие включилось Министерство внутренних дел, которое должно было посредством губернских чиновников донести до еврейского населения информацию о начале переселенческой кампании и ее условиях. Таким образом, Министерство финансов и Министерство внутренних дел становились центральными учреждениями по исполнению монаршей воли. Надо сказать, что к тому моменту в канцелярии МВД скопилось большое количество прошений от еврейских обществ различных губерний, в которых содержались просьбы об улучшении положения евреев. Наибольшее количество прошений исходило от евреев прибалтийских и белорусских губерний. Так, например, на имя министра внутренних дел Д. Н. Блудова поступило прошение от еврейских семейств г. Митавы Курляндской губернии, в которой просители жаловались на «великие неудобства пропитывать себя законным образом» [12, л. 3].

О перенаселении евреями городов и невозможности ими содержать свои семьи указывал в своей записке витебский генерал-губернатор Дьяков, указывая, напри-

мер, на то, что «купеческие и мещанские промыслы за неимением достаточного числа покупателей и потребителей должны ограничиваться только мелочной торговлей, которая едва стоит содержания лавки; ремесленники, коих между евреями множество, не имеют работы. В одном только Могилеве, сколько известно, более 600 портных, тогда как достаточно 100-й доли сего числа по общей массе людей, имеющих нужду в их мастерстве» [12, л. 44-44 об.].

Многие еврейские семьи стремились любыми путями вырваться из нищеты, в которой они оказались по милости царской власти, а потому в еврейских общинах к середине 1830-х гг. сложились внутренние предпосылки к включению в переселенческий процесс.

Но далеко не все в еврейских общинах являлись сторонниками переселения на новые места. Одними из противников этого процесса выступили кагалы. В своей записке на имя А. Х. Бенкендорфа генерал-майор Дребуш указывал, что «они (евреи. – В. Ш.) приняли как благодеяние Всемиловейшее дозволение им сделаться хлебопашцами Тобольской губернии..., но встречают в том затруднение со стороны еврейских кагалов» [12, л. 50]. Кагалы вместе с градской и земской полицией старались скрыть от евреев соответствующий указ. Дело в том, что в явное противоречие вступили положение указа и фискальная практика: кагалы требовали от желающих переселиться уплаты всех необходимых податей и недоимок, тогда как высочайший указ списывал с переселенцев все недоимки по уплате податей [12, л. 50 об.]. Но переселиться желали, в первую очередь, те евреи, которые не могли материально устроить свою жизнь в прежней общине, но действия кагалов ставили их в более затруднительное положение.

Надо сказать, что «Положение о евреях» носило общий характер, многие из тезисов требовали дальнейшего разъяснения и детальной проработки. Это привело к тому, что в недрах чиновного аппарата сформировалось несколько подходов относительно переселения евреев из городов в сельскую местность. Первое мнение было озвучено министром финансов Е. Канкриным, согласно которому переселять евреев необходимо на выделенные казной земли в Сибири за счет казенных средств. Эта позиция достаточно последовательно прослеживается в ведомственной переписке между Министерством финансов, с одной стороны, и прочими ведомствами (Министерством внутренних дел и Министерством государственных имуществ), с другой стороны.

Особое мнение было высказано по этому вопросу генерал-адъютантом Дьяковым, занимавшем в 1836 г. пост главноуправляющего Витебской, Могилевской и Смоленской губерниями. Он соглашался с необходимостью улучшить положение евреев в черте оседлости, о чем было сообщено в записке, составленной в Витебске 19 июля 1836 г. По его мнению, в белорусских губерниях достаточно свободных земель для водворения евреев-хлебопашцев. Так, он предлагал «заблаговременно и не ожидая просьб назначить в Витебской и Могилевской губернии пустопорожние и оброчные казенные земли участками от 200 дес. и более; о назначении объявить еврейским обществам в городах и местечках, чтобы знали, где могут поселяться согласно положению 1835 г.» [12, л. 46]. Действия эти предполагалось реализовывать силами Министерства внутренних дел и ка-

зенных палат, подведомственных Министерству финансов.

Еще одна позиция была озвучена в докладной записке начальника IV округа корпуса жандармов генерал-майора Дребуша. Так же, как и Дьяков, он считал, что ухудшение положения евреев связано с мерами, принятыми в 1823 г., что ввергло их в нищету и лишило «всех средств к пропитанию себя с многочисленными семьями» [12, л. 50]. В записке Дебуш подробно изложил свое видение механизма переселения на отведенные в Сибири земли, которое фактически должно было оказаться в руках Корпуса жандармов (на местах – штаб-офицеров Корпуса). Это мнение было поддержано начальником Корпуса графом А. Х. Бенкендорфом. Таким образом, налицо было столкновение интересов разных ведомств и персон.

Оба документа попали в руки министра внутренних дел Д. Н. Блудова. Последний – с сопроводительной запиской от Бенкендорфа. Блудов же решил переложить ответственность за принятие окончательного решения на министра финансов Е. Канкрину, которому оба документа были переданы на рассмотрение. При этом Блудов почтительно писал Бенкендорфу, что по получении от министра финансов ответа, он непременно уведомит его о дальнейшем ходе дела [12, л. 57].

Позиция министра финансов Канкрин была неизменной: в своем ответе Блудову от 26 августа 1836 г. он писал, что, основываясь на имеющихся в министерстве сведениях, считал невозможным выделение земель в белорусских губерниях, т. к. свободных земель нет [14, л. 59 об.]. Что же касается предложений генерал-майора Дребуша, то они также не могут быть приняты, т. к. уже выработаны принципы снабжения еврейских переселенческих команд деньгами и установления контроля за их передвижением к месту водворения. Эти принципы были изложены в письме Блудову еще в мае 1836 г. [12, л. 17 – 20].

Таким образом, определилось общее мнение по вопросу переселения евреев в Сибирь.

Весной 1836 г. началась переселенческая кампания, как это планировалось в Министерстве финансов. Немногочисленные группы евреев направились из черты оседлости, преимущественно Могилевской губернии, в Сибирь. Уже первые контакты переселенцев с губернскими властями по пути движения выявили неготовность последних к приему переселенческих групп: евреи, будь то в Симбирске или во Владимире, просили о выделении им помощи, а местные власти вступали в длительную переписку с Петербургом, запрашивая инструкций к действию. Проблема была решена радикально: от Е. Канкрин поступило распоряжение казенным палатам о выделении необходимых средств и одежды для еврейских переселенцев [12, л. 102]. Таким образом чиновники решали проблемы переселенцев по мере их возникновения.

В середине декабря 1836 г. Канкрин направляет Блудову очередное письмо. В нем он подвел промежуточный итог переселенческой кампании 1836 г. В частности, он указывал, что «из дел департамента государственных имуществ видно, что в течение нынешнего 1836 г. пожелало переселиться из разных губерний на упомянутые для них казенные участки до 1317 душ» [14, л. 107]. В канцелярии Министерства внутренних дел на тот момент находились списки потенциальных переселенцев из различных белорусско-литовских гу-

берний, насчитывавшие более 3 тыс. чел. [подсчитано по: 13, л. 84-131 об.; 14, л. 56-76 об.]. Эти результаты настолько вдохновили министра финансов, что он заявил о своем намерении в следующем году выделить уже десять участков для водворения евреев в Омском и Петропавловском округах общей площадью 13363 дес. [12, л. 107 об.]. Для переселенцев уже планировались деньги в губернских и областных казенных палатах. Со своей стороны Министерство внутренних дел посредством губернаторов должно было сообщить об этом еврейским обществам, а также уведомить о том генерал-губернатора Западной Сибири.

22 декабря 1836 г. состоялось очередное заседание Комитета министров, на котором рассматривался в том числе и вопрос о развитии еврейского переселения в Сибирь на основании внесенного предложения министра финансов Е. Канкрин. Комитет министров принял решение «на утверждение распоряжения испросить Высочайшее соизволение» [12, л. 120-120 об.].

Уже 5 января 1837 г. Николай I наложил на положение Комитета министров резолюцию: «Переселение евреев в Сибирь приостановить» [12, л. 120 об.]. Это перечеркнуло все предпринятые ранее различными ведомствами действия. В специальной литературе неоднократно звучал вопрос: почему Николай I изменил свою позицию в переселенческом вопросе. Как нам кажется, негативную роль в подобном развитии событий сыграл министр внутренних дел граф Д. Н. Блудов, который в своих сохранившихся записках на высочайшее имя неоднократно выступал против поселения евреев в Сибири. Из упомянутых записок и сопроводительных к ним документов следует, что Блудов неоднократно имел с императором беседы на данную тему, которые получали свое дальнейшее воплощение в различных документах, в том числе получивших высочайшее одобрение. Главное, по мнению Д. Н. Блудова, – не допустить возникновения негативного влияния евреев на немногочисленное русское православное и инородческое население. Для этого необходимо было всеми возможными путями не допускать увеличения числа евреев в Сибири, а имевшихся обращать в православие.

Как бы то ни было, переселение евреев в Сибирь было не просто приостановлено. Вскоре последовало распоряжение о возвращении всех переселенческих партий на прежнее место жительства или направлении их в Херсонскую губернию, где их водворением должно было заняться недавно созданное Министерство государственных имуществ во главе с графом П. Д. Киселевым. Распоряжение об этом было направлено Блудовым всем губернаторам, через чьи губернии могли проходить еврей-переселенцы. Ответные рапорты губернаторов позволяют оценить реальные масштабы переселенческой кампании. Согласно им, на конец 1836 – начало 1837 года на пути в Сибирь было не более 100 евреев, воспользовавшихся дарованным им правом водвориться в Тобольской губернии. Все они были направлены в Херсон.

Однако одна группа переселенцев успела прибыть в Тобольскую губернию в конце 1836 г. Пришедшее распоряжение Блудова вызвало замешательство у губернских властей. В Петербург 5 июля было направлено донесение, что еще до 5 января 1837 г. в Сибирь прибыла партия евреев из Могилевской губернии и Белостокской области численностью 36 душ обоего пола [13, л. 165-166]. Возник вопрос: что делать? Потребовалось

вмешательство Николая I, который передал решение этого вопроса в руки самих евреев. Статс-секретарь Танеев писал по этому поводу Д. Н. Блудову: «Государь Император рассмотрев всеподданнейшую записку ... от 8 июля ... изволил считать несправедливым евреев сих вновь переводить. Но Его Императорское Величество повелевает предоставить им или переселиться в Херсонскую губернию или остаться на месте с подтверждением правилам принятым отныне для евреев в Сибири находящимся» [13, л. 185]. Воспользовавшись этим правом, 32 еврея решили остаться в Сибири, и только четверо приняли решение вернуться в Европейскую Россию.

Этот сюжет заставляет усомниться в сложившемся в литературе стереотипе о том, что более 1 тыс. евреев переселилось в Сибирь в 1836 г. Работа с архивными фондами дала нам любопытное дело, которое проливает свет на дальнейшую судьбу осевших в Омской области евреев.

В середине 1840-х гг. 32 омских еврея напомнили о себе. Это было связано с делом об освобождении их от податей и повинностей. В январе 1843 г. последовало Высочайшее повеление Николая I на решение Комитета министров по представлению министра государственных имуществ графа П. Д. Киселева: «Дозволить сим евреям остаться навсегда на отведенном им в омской области участке земли, а затем участок сей исключить из оклада» [10, л. 14]. Так, они получили 480 дес. удобной земли в бесплатное пользование сроком на 25 лет.

В ноябре 1853 г. западносибирский генерал-губернатор Г. Х. Гасфорд докладывал министру государственных имуществ графу П. Д. Киселеву о просьбе доверенных от евреев Шимона Лейбина и Мордуха Минского разрешить им переселиться в Екатеринославскую губернию. В записке было указано, что речь идет о тех самых 32 евреях, которым было разрешено поселение в Омской области в 1837 г. Прожив в Сибири 16 лет, они столкнулись с рядом проблем. Так, указывалось, что они не имеют возможности заниматься в прежних размерах хлебопашеством и скотоводством вследствие притеснения их от водворявшихся переселенцев из великороссийских губерний. Кроме того, сказывались последствия запретительного законодательства: «при постоянном уменьшении в здешнем крае евреев, они встречают крайнее затруднение как в образовании своих детей по иудейскому закону, так и в выдаче в замужество дочерей» [11, л. 2].

Переселение в Новороссию должно было, по их мнению, решить эти проблемы. Евреи готовы были двинуться в путь по получении разрешения за собственный счет. В Петербурге не стали возражать, согласившись с тем, что «переход их [евреев. – В. Ш.] в Екатеринославскую губернию будет соответствовать цели правительства относительно уменьшения в Сибири числа евреев» [11, л. 2 об.]. При этом в ведомстве П. Д. Киселева выдвинули свои условия: *переселение за свой счет; не требовать от государства новых налоговых льгот, внести на обеспечение своего водворения в Новороссию за каждое семейство 175 руб. серебром на счет Попечительского комитета об иностранных поселенцах Южной России* [11, л. 13].

Летом 1854 г. Гасфорд докладывал в Петербург, что по объявлении условий евреи заявили об отсутствии у них достаточных средств для переселения, а потому

вынуждены остаться на жительство в Сибири [11, л. 14-14 об.].

Практический результат переселенческой кампании 1835 – 1836 гг. был неоднозначен. Главным результатом можно признать введение официального запрета на переселение и проживание евреев в Сибири. Разработанные Д. Н. Блудовым «Правила» определили принципы жизни немногочисленной еврейской общины Сибири. В первую очередь, они касались ссыльных и каторжников, оказавшихся на этой территории. Именно каторга и ссылка во второй трети XIX в. стали основным источником пополнения сибирского еврейства: на 1849 г. в Тобольской губернии проживало 785 душ обоого пола [2, с. 37], а в Томской губернии – 1482 души обоого пола [3, с. 82], т. е. всего за 15 лет официальная численность еврейства в двух сибирских губерниях выросла почти в 3 раза. Одним из основных мест средоточия еврейской жизни Западной Сибири стал к середине XIX в. г. Каинск, в котором, по оценке современника, «большая часть жителей ... евреи, переселенные за сделанные ими преступления и более за контрабанду» [3, с. 95].

В середине XIX в. ссылка и каторга начинают постепенно терять свое значение в формировании еврейской общины Сибири. Так, одним из департаментов Министерства юстиции Еврейскому комитету в марте 1860 г. была подготовлена справка, в которой указывалось, что «в течение минувшего года Судебными палатами приговорено евреев: к высылке в Сибирь на поселение – 12, на жительство – 12, к отдале в исправительные арестантские роты гражданского ведомства – 40 и к заключению в работные дома 35 человек...» [18,

л. 81-81 об.]. Даже с учетом пришедших с ними немногочисленных членов семей этот источник не может рассматриваться как один из ведущих в формировании еврейской общины в Сибири.

Оказавшись в Сибири, евреи были выброшены за рамки привычного для них правового поля черты оседлости. В местах нового проживания они оказались одновременно в нескольких юридических плоскостях: с одной стороны, на них стремились распространить те же нормы, что действовали в пределах черты оседлости, с другой стороны, они попадали под юрисдикцию Устава о ссыльных, и, кроме того, они оставались подданными Российской империи со всеми вытекающими последствиями. Юридическая неразбериха дополнялась множеством циркуляров, инструкций, решений, высочайше утвержденных мнений и прочих правовых актов более частного характера.

Как следствие, еврейское население в Сибири оказывалось в наиболее бесправном положении, и требовались колоссальные усилия, чтобы не только добиться юридической справедливости, но и заставить местные власти ее соблюдать.

Таким образом, к началу пореформенного периода в Сибири, несмотря на противодействие властей, шел активный процесс формирования еврейской общины. Ссылка, а позднее естественный прирост, стали основными источниками для этого процесса. Отличные от черты оседлости условия жизни, незнание сегрегации заставляло евреев стремиться к эмансипации, обретая свое место в экономической и социокультурной жизни Сибири.

Литература:

1. Белковский, Г. Б. Русское законодательство о евреях в Сибири / Г. Б. Белковский. – СПб., 1905.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Т. XVII. – Ч. 1: Тобольская губерния. – СПб., 1849.
3. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Т. XVII. – Ч. 2: Томская губерния. – СПб., 1849.
4. Государственный архив Алтайского края. Ф. 3. Оп. 1. Д. 575.
5. Мыш, М. М. Руководство к русским законам о евреях / М. М. Мыш. – СПб., 1914.
6. Никитин, Н. В. Евреи земледельцы / Н. В. Никитин. – СПб., 1887.
7. Островский, Ю. Сибирские евреи / Ю. Островский. – СПб., 1911.
8. Полное собрание законов Российской империи: изд. II. – Т. 12. – Ч. 1. – № 9843.
9. Полное собрание законов Российской империи: изд. I. – Т. 18. – № 18880.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9352.
11. Там же. Ф. 383. Оп. 16. Д. 20045.
12. Там же. Оп. 29. Д. 959.
13. Там же. Ф. 960.
14. Там же. Д. 962.
15. Там же. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2728.
16. Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 20.
17. Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 260.
18. Там же. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 51.
19. Там же. Ф. 1285. Оп. 3. Д. 273.
20. Ф. В. Евреи в Сибири // Восход. Кн. 9. СПб., 1887.

Информация об авторе:

Шайдуров Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Санкт-Петербургский государственный горный университет, +7-950-024-8687, s-w-n@mail.ru.

Shaidurov Vladimir Nikolaevich – Candidate of History, Associate Professor at the department of History of the St. Petersburg State Mining University, St. Petersburg.